Морозко

1.

Жили-были старик да старуха. У старика со старухою было три дочери. Старшую дочь старуха не любила (она была ей падчерица), почасту её журила, рано будила и всю работу на неё свалила. Девушка скотину поила-кормила, дрова и водицу в избу носила, печку топила, обряды творила, избу мела и всё убирала ещё дó свету; но старуха и тут была недовольна и на Марфушу ворчала:

— Экая ленивица, экая неряха! И голик-то не у места, и не так-то стоит, и сорно-то в избе.

Девушка молчала и плакала; она всячески старалась мачехе уноровить и дочерям её услужить; но сёстры, глядя на мать, Марфушу во всём обижали, с нею вздорили и плакать заставляли: то им и любо было! Сами они поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистым полотенцем утирались и за работу садились, когда пообедают. Вот наши девицы росли да росли, стали большими и сделались невестами. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Старику жалко было старшей дочери; он любил её за то, что была послушляная да работящая, никогда не упрямилась, что заставят, то и делала, и ни в чём слова не перекорила; да не знал старик, чем пособить горю. Сам был хил, старуха ворчунья, а дочки её ленивицы и упрямицы.

Вот наши старики стали думу думать: старик — как бы дочерей пристроить, а старуха — как бы старшую с рук сбыть. Однажды старуха и говорит старику:

— Ну, старик, отдадим Марфушу замуж.

— Ладно, — сказал старик и побрёл себе на печь; а старуха вслед ему:

— Завтра встань, старик, ты пораньше, запряги кобылу в дровни и поезжай с Марфуткой; а ты, Марфутка, собери своё добро в коробейку да накинь белую исподку: завтра поедешь в гости!

Добрая Марфуша рада была такому счастью, что увезут её в гости, и сладко спала всю ночку; поутру рано встала, умылась, богу помолилась, всё собрала, чередом уложила, сама нарядилась, и была девка — хоть куды невеста! А дело-то было зимою, и на дворе стоял трескучий мороз.

Старик наутро, ни свет ни заря, запряг кобылу в дровни, подвёл ко крыльцу; сам пришёл в избу, сел на коник и сказал:

— Ну, я всё изладил!

— Садитесь за стол да жрите! — сказала старуха.

Старик сел за стол и дочь с собой посадил; хлебница была на столе, он вынул челпан и нарушал хлеба и себе и дочери. А старуха меж тем подала в блюде старых щей и сказала:

— Ну, голубка, ешь да убирайся, я вдоволь на тебя нагляделась! Старик, увези Марфутку к жениху; да мотри, старый хрыч, поезжай прямой дорогой, а там сверни с дороги-то направо, на бор, — знаешь, прямо к той большой сосне, что на пригорке стоит, и тут отдай Марфутку за Морозка.

Старик вытаращил глаза, разинул рот и перестал хлебать, а девка завыла.

— Ну, что тут нюни-то распустила! Ведь жених-то красавец и богач! Мотри-ка, сколько у него добра: все елки, мянды и берёзы в пуху; житьё-то завидное, да и сам он богатырь!

Старик молча уклал пожитки, велел дочери накинуть шубняк и пустился в дорогу. Долго ли ехал, скоро ли приехал — не ведаю: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Наконец доехал до бору, своротил с дороги и пустился прямо снегом по насту; забравшись в глушь, остановился и велел дочери слезать, сам поставил под огромной сосной коробейку и сказал:

— Сиди и жди жениха, да мотри — принимай ласковее.

А после заворотил лошадь — и домой.

Девушка сидит да дрожит; озноб её пробрал. Хотела она выть, да сил на было: одни зубы только постукивают. Вдруг слышит: невдалеке Морозко на ёлке потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает да пощёлкивает. Очутился он и на той сосне, под коёй дéвица сидит, и сверху ей говорит:

— Тепло ли те, дéвица?

— Тепло, тепло, батюшко-Морозушко!

Морозко стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощёлкивать. Мороз спросил де́вицу:

— Тепло ли те, де́вица? Тепло ли те, красная?

Де́вица чуть дух переводит, но ещё говорит:

— Тепло, Морозушко! Тепло, батюшко!

Мороз пуще затрещал и сильнее защёлка́л и де́вице сказал:

— Тепло ли те, де́вица? Тепло ли те, красная? Тепло ли те, лапушка?

Де́вица окостеневала и чуть слышно сказала:

— Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился, окутал де́вицу шубами и отогрел одеялами.

Старуха наутро мужу говорит:

— Поезжай, старый хрыч, да буди молодых!

Старик запряг лошадь и поехал. Подъехавши к дочери, он нашёл её живую, на ней шубу хорошую, фату дорогую и короб с богатыми подарками. Не говоря ни слова, старик сложил все на́ воз, сел с дочерью и поехал домой. Приехали домой, и де́вица бух в ноги мачехе. Старуха изумилась, как увидела девку живую, новую шубу и короб белья.

— Э, сука, не обманешь меня.

Вот спустя немного старуха говорит старику:

— Увези-ка и моих-то дочерей к жениху; он их ещё не так одарит!

Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Вот поутру рано старуха деток своих накормила и как следует под венец нарядила и в путь отпустила. Старик тем же путём оставил девок под сосною. Наши де́вицы сидят да посмеиваются:

— Что это у матушки выдумано — вдруг обеих замуж отдавать? Разве в нашей деревне нет и ребят! Неровен чёрт приедет, и не знаешь какой!

Девушки были в шубняках, а тут им стало зябко.

— Что, Параха? Меня мороз по коже подирает. Ну, как суженый-ряженый не приедет, так мы здесь околеем.

— Полно, Машка, врать! Коли рано женихи собираются; а теперь есть ли и обед на дворе.

— А что, Параха, коли приедет один, кого он возьмёт?

— Не тебя ли, дурище?

— Да, мотри, тебя!

— Конечно, меня.

— Тебя! Полноé тебе цыганить да врать!

Морозко у девушек руки ознобил, и наши дéвицы сунули руки в пазухи да опять за то же.

— Ой ты, заспанная рожа, нехорошая тресся, поганое рыло! Прясть ты не умеешь, а перебирать и вовсе не смыслишь.

— Ох ты, хвастунья! А ты что знаешь? Только по беседкам ходить да облизываться. Посмотрим, кого скорее возьмёт!

Так дéвицы растабаривали и не в шутку озябли; вдруг они в один голос сказали:

— Да кой хранци! Что долго нейдёт? Вишь ты, посинела!

Вот вдалеке Морозко начал потрескивать и с ёлки на ёлку поскакивать да пощёлкивать. Дéвицам послышалось, что кто-то едет.

— Чу, Параха, уж едет, да и с колокольцом.

— Поди прочь, сука! Я не слышу, меня мороз обдирает.

— А ещё замуж нарохтишься!

И начали пальцы отдувать. Морозко всё ближе да ближе; наконец очутился на сосне, над дéвицами. Он дéвицам говорит:

— Тепло ли вам, дéвицы? Тепло ли вам, красные? Тепло ли, мои голубушки?

— Ой, Морозко, больно студёно! Мы замёрзли, ждём суженого, а он, окаянный, сгинул.

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать и чаще пощёлкивать.

— Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?

— Поди ты к чёрту! Разве слеп, вишь, у нас руки и ноги отмёрзли.

Морозко ещё ниже спустился, сильно приударил и сказал:

— Тепло ли вам, девицы?

— Убирайся ко всем чертям в омут, сгинь, окаянный! — и девушки окостенели.

Наутро старуха мужу говорит:

— Запряги-ка ты, старик, пошевёнки; положи охабочку сенца да возьми шубное опахало. Чай девки-то приозябли; на дворе-то страшный мороз! Да мотри, воровéй, старый хрыч!

Старик не успел и перекусить, как был уж на дворе и на дороге. Приезжает за дочками и находит их мёртвыми. Он в пошевёнки деток свалил, опахалом закутал и рогожкой закрыл. Старуха, увидя старика издалека, навстречу выбегала и так его вопрошала:

— Что детки?

— В пошевнях.

Старуха рогожку отвернула, опахало сняла и деток мёртвыми нашла.

Тут старуха как гроза разразилась и старика разбранила:

— Что ты наделал, старый пес? Уходил ты моих дочек, моих кровных деточек, моих ненаглядных семечек, моих красных ягодок! Я тебя ухватом прибью, кочергой зашибу!

— Полно, старая дрянь! Вишь, ты на богатство польстилась, а детки твои упрямицы! Коли я виноват? Ты сама захотела.

Старуха посердилась, побранилась, да после с падчерицею помирилась, и стали они жить да быть да добра наживать, а лиха не поминать. Присватался сусед, свадебку сыграли, и Марфуша счастливо живёт. Старик внучат Морозком стращал и упрямиться не давал. Я на свадьбе был, мёд-пиво пил, по усу текло, да в рот не попало.

2.

У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сделает, за все её гладят по головке да приговаривают:

— Умница!

А падчерица как ни угождает — ничем не угодит, всё не так, всё худо; а надо правду сказать, девочка была золото, в хороших руках она бы как сыр в масле купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что делать? Ветер хоть пошумит да затихнет, а старая баба расходится — не скоро уймётся, всё будет придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать:

— Вези, вези, старик, её куда хочешь, чтобы мои глаза её не видали, чтобы мои уши об ней не слыхали; да не вози к родным в тёплую хату, а во чистóе поле на трескун-мороз!

Старик затужил, заплакал; однако посадил дочку на сани, хотел прикрыть попонкой — и то побоялся; повёз бездомную во чистóе поле, свалил на сугроб, перекрестил, а сам поскорее домой, чтоб глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бедненькая, трясётся и тихонько молитву творит. Приходит Мороз, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает:

— Девушка, девушка, я Мороз красный нос!

— Добро пожаловать, Мороз; знать, бог тебя принёс по мою душу грешную.

Мороз хотел её тукнуть и заморозить; но полюбились ему её умные речи, жаль стало! Бросил он ей шубу. Оделась она в шубу, подожмала ножки, сидит. Опять пришёл Мороз красный нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает:

— Девушка, девушка, я Мороз красный нос!

— Добро пожаловать, Мороз; знать, бог тебя принёс по мою душу грешную.

Мороз пришёл совсем не по душу, он принёс красной девушке сундук высокий да тяжёлый, полный всякого приданого. Уселась она в шубочке на

сундучке, такая весёленькая, такая хорошенькая! Опять пришёл Мороз красный нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает. Она его приветила, а он ей подарил платье, шитое и серебром и золотом. Надела она и стала какая красавица, какая нарядница! Сидит и песенки попевает.

А мачеха по ней поминки справляет; напекла блинов.

— Ступай, муж, вези хоронить свою дочь.

Старик поехал. А собачка под столом:

— Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в се́ребре везут, а старухину женихи не берут!

— Молчи, дура! На́ блин, скажи: старухину дочь женихи возьмут, а стариковой одни косточки привезут!

Собачка съела блин да опять:

— Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в се́ребре везут, а старухину женихи не берут!

Старуха и блины давала и била её, а собачка всё своё:

— Старикову дочь в злате, в се́ребре везут, а старухину женихи не возьмут!

Скрипнули ворота, растворилися двери, несут сундук высокий, тяжёлый, идёт падчерица — панья паньей сияет! Мачеха глянула — и руки врозь!

— Старик, старик, запрягай других лошадей, вези мою дочь поскорей! Посади на то же поле, на то же место.

Повёз старик на то же поле, посадил на то же место. Пришёл и Мороз красный нос, поглядел на свою гостью, попрыгал-поскакал, а хороших речей не дождал; рассердился, хватил её и убил.

— Старик, ступай, мою дочь привези, лихих коней запряги, да саней не повали, да сундук не оброни!

А собачка под столом:

— Тяв, тяв! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке косточки везут!

— Не ври! На́ пирог, скажи: старухину в злате, в се́ребре везут!

Растворились ворота, старуха выбежала встреть дочь, да вместо её обняла холодное тело. Заплакала, заголосила, да поздно!

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1985.